

На улице Хмелёва

Эм. Миндлин

Шли «Бешеные деньги» Островского — спектакль для приглашённых критиков, писателей, деятелей искусства.

— Смотрите, смотрите! — зашептал один из критиков соседу, указывая на пожилую женщину в мундире театрального капельдинера, которая с большим волнением следила за отношением публики к спектаклю.

Когда в театре переживает судьбу спектакля даже рядовой капельдинер, — значит, здесь люди не просто служат, значит, здесь все — от первого режиссёра до человека, усаживающего зрителей на места, — составляют единый организм, единый коллектив художников, творящих единое дело.

«Бешеные деньги» прошли с очень большим успехом. Театр сразу оказался в центре театральной жизни Москвы. Кто знает, в каком помещении будет играть этот театр лет через десять! Во всяком случае, не в нынешнем подвале в одном из переулков Сретенки. Может быть, занимаясь жизнеописанием к тому времени уже немолодого, но, будем надеяться, всё ещё «нового» театра, будущий летописец его, отменная успех «Бешеных денег», вспомнит также и о пожилой капельдинерше и запишет: «Это было тогда, когда Театр имени Ермоловой был ещё очень молод, когда за становлением его следили в Москве с сочувствием и надеждами и когда играл он в неудобном зрительном зале в том самом подвале в Пушкинском переулке, в котором ещё раньше создавала свой театр Юрий Завладский».

Поведение капельдинерши напоминает, что в МХАТ судьбу спектакля переживали и Станиславский, и рабочий сцены, и капельдинер, благоговейно сторожащий входы в наполненный полумрак зал. Позвольте, что ж удивительного? Театр имени Ермоловой, в конце концов, — также детище МХАТ! Разве не Хмелёв был руководителем этого молодого театра в то же самое время, когда руководил он и МХАТ?

Обратимся к истории. Маленький Театр имени Ермоловой играл где-то на Бауманской. В этом окраинном театре Москвы, несомненно имея величайшей актрисы России, была небольшая группа молодых, очень одарённых и уже достаточно опытных актёров, но, как заметил однажды Хмелёв, «этот театр не имел режиссёрской школы». Ещё моложе этого театра была коллектив студий под руководством Хмелёва, и сам Хмелёв говорил, что студия его «ещё слишком молода и неопытна». Но студия эта возглавлялась Хмелёвым — большим мастером, представителем той великой школы, для которой законом являлась: «Искать, совершенствоваться и снова искать». Вот уже десятый год, как сложились студия Хмелёва и Театр имени Ермоловой. Много бывало таких «слияний», и в большинстве случаев ни одно из них не было пустым. Но тут как будто искали друг друга люди этих двух неокрепших театров: сразу нашлись и общий язык и взаимное понимание. Нарядность снастиной оказалась встреча Хмелёва с Андреем Лобановым, который стал ближайшим его помощником по руководству театром, а после смерти Хмелёва возглавил театр.

Однако что же в нём нового?

В жизни одного из самых молодых театров Москвы — театра имени Ермоловой — произошло большое, радостное событие: его спектакль «Старые друзья» удостоен Сталинской премии. В славную семью сталинских лауреатов вошли создатели этого спектакля — автор пьесы Л. Малюгин, художественный руководитель театра и постановщик спектакля заслуженный деятель искусства А. Лобанов и актёры театра Л. Орданская и В. Якут. Праздник этого молодого театра — в то же время праздник всей театральной Москвы, так как Театр имени Ермоловой всё более привлекает к себе внимание общественности, критики, зрителей. Печатаемый ниже очерк посвящён этому молодому многоспевающему театру.

Хмелёв — мхатовец, и Театр имени Ермоловой — детище МХАТ. Так ли?

Однажды Хмелёв прямо ответил на это:

— Иногда приходится слышать, что Театр имени Ермоловой — одно из изданий МХАТ. Если бы это было так, если бы мы ограничивались только копированием, то не стоило бы создавать наш молодой театр, не стоило бы в нём работать. Да, наш метод актёрской и режиссёрской работы зиждется на основных принципах работы МХАТ. Но каждый из нас, режиссёров, имеет свои педагогические особенности, каждый из нас, актёров, приносит в театр то индивидуально неповторимое, без чего немислимо искусство.

Он обронил однажды слова, которые звучат, как выражение его идеала:

— Возвышенность мысли и чувств — и чёткость их проявления.

Ермолова, имя которой носит театр, могла бы этими же словами определить свои идеалы в искусстве: примерно в тех же выражениях характеризовали её игру некогда писавшие о ней критики.

Как-то начинающий актёр Николай Хмелёв, стоя перед своим учителем Леонидовым, читал отрывок из «Братьев Карамазовых».

— Очень хорошо, — сказал знаменитый актёр начинающему, когда тот окончил. — Прекрасно

читали. Но в чём ваша мысль, молодой человек?

Другими словами: что вы хотели этим сказать?

Хмелёв недоумённо посмотрел на учителя. Разве это — ещё не всё: прекрасно прочтёшь, довести звучание каждой фразы до какой-то прозрачной ясности, передать тонко рассчитанной мимикой то, что скрыто в магическом строе слов?

Нет, оказывается, не всё! Недостаточно только уметь. Надо ещё иметь то, чему подчиняешь своё умение. Как бы ни было прекрасно искусство, оно невесомо, если не озарено мыслью художника. Хмелёв знал слова Толстого о том, что «писать драму должен только тот, кому есть что сказать людям». Но до этой минуты ему не приходило в голову, что и играть драму должен только тот, кому есть что сказать людям, ибо художник, которому нечего людям сказать, — ненастоящий художник.

Незадолго до войны, когда театр играл ещё на Пушкинской улице, была им представлена шекспировская комедия «Как вам это понравится» в постановке Хмелёва.

Об актёрах этого молодого театра — Орданской, Николаевой, Фивейской, Корчагине — заговорили как о талантливых художниках сцены.

Это был подлинный шекспировский спектакль, с точно вылепленными могучими характерами

цельных натур, с идеей природного равенства людей, о котором со страстью говорит в пьесе Орландо, с каким-то поистине песенным утверждением права на счастье тех, кто мужествен и прав, с тем близким нам отношением к жизни, с которым Розалинда в комедии восклицает: «Я кланюсь жизнью, которую очень люблю!»

Возвышенность мысли и чувств — и чёткость их проявления! В этом смысле Андрей Лобанов — продолжатель дела Хмелёва.

«Бешеные деньги» — первый большой успех Лобанова в этом театре. С такой остротой, сатирической страстностью Островского ещё никогда не ставили Лобанов словно разоблачил легенду о бесстрастном бытовике Островском, нарушив тем самым, казаюсь бы, неизблемую традицию. И в такой блестящей театральной форме был сыгран этот спектакль, что прошло уже два года после премьеры, а он всё ещё остаётся одним из самых значительных спектаклей в Москве, как одним из самых значительных явлений в театральной жизни Москвы остаётся игра в этом спектакле артистки Орданской в роли Лидии и артиста Фивейского в роли Василькова.

Не случась ли, однако, этот успех? Следующая постановка Лобанова — ответ на такие сомнения. Кто-то из критиков даже начал свою статью словами: «Новый спектакль Лобанова, «Укрошенный укротитель», доказал, что успех «Бешеных денег» был не случайным».

На мажорной сцене, в подвале с нависающим потолком, был разыгран спектакль, в котором снова пленило сочетание необыкновенно изысканной, доходящей до баска театральной формы с ясной мыслью, проникающей всё представление. Лобанову особенно удаются спектакли, герои которых стремятся «быть собой». При этом талантливейший режиссёр умеет сделать так, что и актёр в его спектакле остаётся прежде всего «самим собой». Потому так легко пленили зрителя в этой постановке актёры Кириллова, Соколов, Якут.

Но с современником следует говорить на языке образов, современных ему. Таким разговором молодого театра стала постановка пьесы Малюгина «Старые друзья». Театр имени Ермоловой, или, как его уже называют в театральных кругах, «Лобановский театр», может гордиться тем, что ни один спектакль сезона не вызвал такого оживления в спорах, как «Старые друзья». Впрочем, споры чаще вызывались пьесой: работа театра единодушно принята как свидетельство мастерства, таланта, целеустремлённости.

Сам Лобанов определял эту работу как спектакль о формировании характеров молодых людей в годы Отечественной войны.

Я вспоминаю одного старшего лейтенанта, который в антракте взволнованно убеждал соседей:

— Но ведь это же мы, мы, мы! О нас это, честное слово, товарищи, это о нас. Я же ленинградец, я же знаю, что говорю, товарищи!

Театру, в переулке, названном теперь улицей Николая Хмелёва, есть что сказать людям, и говорит он это всё лучше и убедительней, крепнившим молодым голосом, всё более призывающим к себе внимание...